

Книга первая:
ЛАБОРАТОРИЯ

Глава I

1

Профессор Эрл Фокс не обратил внимания на звонок секретарши, даже когда аппарат зажужжал во второй раз. Он уставился на кнопку служебного телефона, а затем отложил звонок, не желая, чтобы внешний мир вторгнулся в его кабинет и надоедал ему. Еще несколько секунд Фокс провел в тягостных, бесплодных размышлениях, в тысячный раз пытаясь нащупать причину, по которой в его жизни что-то пошло не так.

Его обитель располагалась в юго-западном углу двенадцатого этажа Физического Корпуса. Стены были обшиты панелями, потому что кабинет принадлежал декану факультета, а на панелях висели небольшие гравюры Ньютона, Лейбница, Фарадея и других ученых. Из одного окна Фокс видел Барнардский колледж, а за ним — Палисейдс-парк. Из другого он мог разглядеть четыре огромных городских района, состоявших преимущественно из университетских кампусов и лужаек; а надо всем этим плыла дымка жаркого августовского дня. Время от времени Фокс поворачивался в своем глубоком вращающемся кресле и задумчиво смотрел в то или другое окно, но прямо сейчас взгляд его был устремлен в черноту столешницы. Практически машинально он отжал кнопку и позволил голосу секретарши влиться в кабинет:

— Профессор Фокс, к вам мистер Эрик Горин.

Он нахмурился. Что, черт возьми, за Эрик Горин? Фокс промолчал — как делал всегда, когда что-то его озадачи-

вало, — но секретарша все равно позволила себе тактичный намек:

— Я перенесла все остальные встречи, как вы и просили, чтобы вы смогли поговорить с новым ассистентом сразу после его приезда.

— Ах да, — вспомнил Фокс. — Проведите его ко мне, будьте добры.

Эрлу Фоксу стукнуло пятьдесят четыре, но сам себе он казался безвременным и древним. Спустя двадцать семь лет, посвященных исследованиям, он разлюбил науку. Понимание пришло вопреки его воле и далеко не сразу, но в конце концов сверкнуло вспышкой. Кто-то читал вслух газету, и Фоксу вдруг подумалось: «Да кому какая разница?» Это был первый момент, когда он допустил, что его естественная любознательность мертва, и удивился так же, как человек, который, глядя однажды утром на жену, восклицает про себя: «Боже, да ведь я уже много лет ее не люблю!»

В начале своей карьеры, в соответствии с модой первого десятилетия этого века, Фокс придерживался умеренно-социалистических взглядов, и, чтобы исправить эту оплошность, миссис Фокс заводила полезные знакомства, пока сам он усердно работал в лаборатории над своими исследованиями. Его регулярно повышали в должности, но лишь заняв профессорское кресло, Фокс осознал, что это в большей степени заслуга жены, чем его самого с его научной работой, которая звучала пусто, читалась безо всякого интереса и была написана раньше своего времени. Нобелевскую премию ему дали в 1924 году, когда приход волновой механики сделал очевидным важность его труда — спустя десять лет после того его знаменитого эксперимента. Однако коронована признанием оказалась его жена, а не он сам, так как к тому времени он уже стал деканом факультета.

Теперь же, в 1931 году, ему оставалось лишь с рассеянной тоской слушать пререкания молодых людей из-за разницы в их теориях и мельчайших деталях экспериментов. Он завидовал тому, как легко они погружаются в работу — впрочем, завидовал довольно вяло, как человек, не слишком скучающий по безвозвратно утерянному. За последнее время бес-

плодность его деятельности стала совершенно невыносимой, и Фокс страстно желал, чтобы его вернуло к жизни какое-нибудь внезапное новое потрясение, увлечение идеей, женщиной, молоденькой девушкой — чем угодно, пусть даже совершенно неподобающим. Теперь он мечтал только о том, чтобы вновь почувствовать, что ему хоть что-то небезразлично, но вечерами он покорно брал свой портфель и шел ужинать домой, на пересечение Сто семнадцатой улицы и Риверсайд-драйв, в квартиру 12Д.

Дверь в его кабинет распахнулась, и он увидел, как следом за секретаршей вошел юноша немногим старше двадцати лет. Эрик Горин оказался чуть выше среднего роста, худым, и одежда его выглядела дешево. У него были темные быстрые глаза и прямые черные волосы с мысиком на лбу.

— Мистер Горин, — представила его секретарша.

Фокс поднялся для рукопожатия, а затем предложил юноше присесть. Собственный голос показался ему холодным, и он с досадой заметил про себя, что стоило бы держаться приветливее. Он вернулся к креслу и попытался вспомнить, кто рекомендовал ему Горина, потому что с этого имело смысл начать разговор.

— Доктор Голлингуорт, — спросил Фокс наконец, — как он?

— Весьма неплохо, сэр, — ответил Горин. Он говорил медленно, спокойно, а сидел прямо, словно готовый к любому нападению, сколь угодно внезапному. Однако перед тем, как ответить, ему пришлось прочистить горло, и Фоксу стало жаль этого парня, хотя он и был уверен, что Горин точно не ожидает никакого сочувствия.

«Не дрожи ты так, — хотел он сказать Горину, — лично я бы все отдал, чтобы сейчас оказаться на твоём месте». Он видел как ясный взор этого парня, так и его любопытство и интеллект. «Господи, — подумал он, — он так напуган, да еще и голодный, но все равно хочет поразить целый мир».

— Мы очень рады видеть вас здесь, мистер Горин, — произнес он мягче. — В этом году у нас появился только один новый ассистент. У вас превосходные рекомендации, а мы создадим вам все условия, чтобы вы смогли показать себя. Как вы знаете, в ваши обязанности будет входить преподавание

физики первому курсу в лаборатории, в то же время вы сможете посещать собственные занятия и работать над докторской. Вероятно, в первый год наши порядки могут показаться вам непонятными и вам будет тяжело работать и получать образование одновременно, но со временем вы привыкнете. Заинтересованы ли вы в какой-то конкретной области физики?

— Нет, — ответил Эрик, помедлив долю секунды. — Не скажу, что знаю о какой-нибудь из них достаточно. У меня нет степени, поэтому мне пришлось довольствоваться обычными курсами по механике, свету, термодинамике и электричеству.

Фокс кивнул. Он знал, что эту долю секунды Горин терзался сомнениями, разрываемый между страхом произвести плохое впечатление и желанием сказать правду. Но сам Фокс проходил это интервью в среднем каждые полгода на протяжении двенадцати лет, и ответ, который озвучил Горин, был таким же стандартным, как и его замешательство — как, впрочем, и вся жизнь, ставшая для Фокса одним стереотипом.

— У вас будет достаточно времени, чтобы определиться, — проговорил он, — тем более что на данный момент идет сразу несколько научных исследований, которые могут помочь вам сделать выбор. К сожалению, пока большинство сотрудников в отъездах; настоящая работа начнется только через две недели. Как преподаватель, вы будете отчитываться перед профессором Бинсом, он читает первому курсу лекции по физике, а профессор Кэмерон будет курировать вашу научную работу. Сейчас вам нужно будет оставить ваш адрес мисс Прескотт, секретарше. Каждый год перед началом семестра мы с миссис Фокс приглашаем всех сотрудников на праздничный вечер, так что у новых членов команды будет возможность познакомиться со старыми. Естественно, мы будем ожидать вас, но миссис Фокс в любом случае предпочтет отправить вам приглашение.

Таким образом обычная его речь почти подошла к завершению, и Фокс чувствовал, что его голос к концу стал гораздо теплее. Он гордился своим выступлением, готовый дожидаться финала и опустить занавес, прежде чем снова замкнется в себе. Он задумался, перебирая в уме, не пропустил

ли что-нибудь важное. Приглашение, имена Бинса и Кэмерона, общий тон ободрения — он убедился, что все это было в его речи. Ах да, последняя деталь...

— Надеюсь, вы отлично провели это лето, мистер Горин?

— Отлично ли я провел лето? — Эрик молча вдохнул и выдохнул раз или два. Его темный взгляд не покидал лица Фокса. — Нет, сэр, — выпалил он, — вовсе не отличным выдалось это лето, черт меня подери!

Первое впечатление часто обманчиво — но это потому, что оно складывается не в нужный момент. Редки те случаи, когда понимание приходит в первое же мгновение встречи. Могут пройти минуты, могут развернуться целые дискуссии, прежде чем человека вдруг поразит жест, слово или интонация, и вдруг целая личность расцветет у него перед глазами там, где прежде был лишь шифр, загадка, укрытая парадным костюмом.

До этого времени Фоксу едва ли удалось разглядеть Горина. Кроме, возможно, живой наблюдательности ничто не привлекло его внимания. Однако теперь Фокс вдруг впервые осознал, что с ним в комнате находится еще один человек. Было ли дело в голосе, в словах или в том и другом, он не знал. Когда бы он ни вспоминал эту первую встречу, именно этот момент казался ему началом интервью, мгновением, когда они вышли за рамки формулы.

— Что вы сказали? — переспросил удивленный Фокс.

— Я говорил, что лето было отвратительным, — повторил Эрик. — Можно мне закурить?

Фокс подтолкнул к нему пепельницу.

— Благодарю. Все, что я чувствую, — это как же я рад, что все это наконец закончилось, — продолжил Эрик. Собираясь на встречу, он не намеревался говорить ни о прошедшем лете, ни о чем-то личном вообще, однако было в Фоксе, как ему показалось, что-то чертовски мягкое и искреннее, такое, что побуждало выложить ему все о произошедшем за последние два месяца, — и вот поток слов уже хлынул, словно желая понизить давление в его горле.

— Я повторял себе, что все закончится хорошо, — произнес Эрик. — Рано или поздно я бы все равно оказался здесь.

А теперь, когда я в безопасности, кажется даже, что ничего и не произошло.

Фокс посмотрел на бледное лицо Эрика, задумавшись над тем, что означает его «в безопасности».

Эрик снова помолчал, как будто пытался сдержать напор воды за стенами плотины, но та все равно не выдержала.

— Понимаете, пока Голлингуорт — профессор Голлингуорт — не сообщил мне в день вручения дипломов, что меня смогут принять здесь, я был совершенно на мели. Передать не могу, насколько прекрасно это тогда прозвучало — изучать физику в Колумбийском колледже¹. Он великодушно предложил мне провести лето с ним и его семьей в их домике в Висконсине. Я не хотел сидеть у него на шее три месяца кряду, поэтому договорился остаться на две недели. Это было чудесное время.

— Не сомневаюсь, — смущенно проговорил Фокс. Его изумление все росло. — Висконсин — прекрасный штат.

— Еще бы! Однако спустя две недели мне пришлось сказать им, что я еду на восток повидать двоюродного брата. Никакого брата у меня нет, но я все равно сел на поезд, потому что вся семья Голлингуорт пришла провожать меня на вокзал и я понимал, что они страшно расстроятся, если узнают, что мне некуда податься. В поезде я купил билет в соседний городишко под названием Кэтлетт. Я приехал туда, а там меня подбросили до Кливленда.

— Подбросили? — Фокс задумался о всех тех днях, которые он провел в этом кабинете один за другим и все они походили друг на друга, и вдруг ему представились двое молодых людей, мчавшихся в машине на восток по жаркому шоссе. Эта картина словно заменила ему глоток свежего воздуха, однако внимательный взгляд Горина все еще был прикован к нему.

— Подвезли. — Горину показалось необходимым объяснить. — Тот парень вел свою машину в Кливленд, чтобы там выручить за нее деньги. Он сильно любил ее — копил на

¹ Колумбийский колледж, ныне Колумбийский университет — одно из старейших и знаменитейших высших учебных заведений США. Занимает шесть кварталов в Нью-Йорке.

нее много лет. Всю дорогу он грустил, рассказывал мне, как починил одну деталь тут и заменил другую там, но в конце концов все равно оказался на той дороге. У него не было ни работы, ни сбережений, а теперь и машину пришлось продавать. Почему-то этот рассказ напугал меня...

В Кливленде я снова нашел человека, готового подбросить меня за город, а потом мы как-то остановились на заправке в местечке Хай-Хоуп — сыграла же жизнь шутку¹ — и разговорились с владельцем. Он предложил мне работу за еду и ночлег. Я бы помогал ему в ремонте и обслуживании, а деньги за починку автомобильных радиоприемников смог бы забирать себе. За три недели я починил один, а потом бросил это дело — все из-за одного парня, который как-то остановил меня в городе. Он был в ярости, потому что, по его словам, я отнял у него место. Раньше он получал по тридцать долларов в неделю, а теперь я выполнял его работу за гроши. Он женат, семьянин, и, в общем, я снова уехал. Не знаю, приняли ли его опять, но сам я больше не хотел там работать. Понимаете, все это время я помнил, что меня ждет здесь интервью. Это было словно моей броней.

Эрик потушил сигарету, как будто только сейчас заметил, как много наговорил. Он прочистил горло и встал, надеясь, что его отпустят и все обойдется.

— Нет, сядьте, — покачал головой Фокс. — Сядьте и расскажите мне, что случилось.

Эрик снова сел. «Приехали, — подумал он. — Вот он я, сию и болтаю с Эрлом Фоксом, ученым, получившим Нобелевскую премию. Мы совсем одни, а он слушает, как я, последний дурак, рассказываю ему про свое лето. Мое лето...» Он представил себе всех тех людей, с которыми Фокс мог бы обменяться рукопожатием, — президента США, короля Дании, каждого знаменитого ученого, который был еще жив: вероятно, Планка, Резерфорда, Эйнштейна.

— Продолжайте же, — повторил Фокс. — Что случилось?

— Ничего особенного. В Скенектади я какое-то время работал посудомойщиком, а потом приехал в Нью-Йорк и сразу

¹ High hope — «большая надежда» (англ.).

заглянул сюда, но вы еще не вернулись из отпуска. Две недели, до сегодняшнего дня, я отработал в открытом бассейне в Ист-Сайде. Помню, я все смеялся, так мне было смешно.

— Смешно?

— Что бы ни происходило, какую бы безумную подработку я себе ни находил, я продолжал повторять себе: «На самом деле я физик». — Он осекся. — Ведь я могу называть себя физиком? Или это слишком самоуверенно?

— Можете, — откликнулся Фокс, помедлив одно мгновение. Его голос был ласковым. — Вы физик.

— Но я это все к чему... — Эрик поднялся со стула. Его глаза вдруг показались Фоксу очень темными. — Я хочу, чтобы вы знали, как много эта возможность для меня значит. И когда вы говорите, что создадите для меня все условия... Мне нужно, чтобы мне дали лишь один шанс, только один.

— Да, — кивнул Фокс. — Да, я понял вас.

Он повернулся в кресле и взглянул на Палисейдс-парк, размышляя о том, сколько энергии в этом стремительном юноше. Только чтобы начать свой долгий и крутой подъем, Горину понадобится каждая унция этой энергии. Сам Фокс давно достиг вершины научных исследований и, стоя на вершучке этой горы, мог разглядеть вокруг хребты других профессий. Он знал, что когда-то мог выбрать и покорить любой из них, но пик физики, выбранный им, был самым одиноким из всех. Сделай он тогда другой выбор, достигни он славы более простым путем, его награды показались бы ему куда слаще — потому что как же иначе. Его сегодняшняя зарплата была сравнительно небольшой, двенадцать тысяч в год, и его известность ограничивалась горсткой людей из той или иной страны. Он чувствовал себя выжатым, опустошенным. Но поначалу у него не возникало вопросов. Он не видел другого пути, кроме науки, и не признавал никакой другой науки — лишь физику. Теперь же он задавался вопросом: почему, что заставило его сделать такой выбор?

Он снова повернулся в кресле. Движение вышло быстрым и резким, словно он рассердился.

— Скажите, — обратился он к Горину, — отчего вы хотите стать физиком?

Горин уставился на него.

Фокс улыбнулся.

— Это вовсе не глупый вопрос.

— Нет-нет, я так и не думаю. Просто...

— Я и не предполагал, что вы так подумали, но все же хотел бы знать: что толкает вас — при всем выборе, который у вас есть, — заняться физическими исследованиями. Прежде всего, вами наверняка движет страсть в совершенстве овладеть наукой, выкрасть у природы секретное знание. Но, помимо этого, есть и проблемы личного характера: двадцати четырех часов в сутки для физики недостаточно, но жить так нельзя. Вы должны быть и человеком тоже. Но предположим, что вы овладели наукой и решили ваши личные проблемы; где же вы, в таком случае, оказались по отношению к обществу в целом? За стеной апатии и невежества, которая может разбить вам сердце. И дело не в том, что наше общество выступает против нас, все обстоит гораздо хуже: оно едва ли догадывается о нашем существовании, а если и знает о нас, то считает колдунами, богами или чем-то в таком роде. Так что славы вам не видать, и денег тоже, да и большое счастье вас не ждет — не так уж много мир готов нам предложить. Потому-то я и гадаю, что заставило человека в самом расцвете лет считать, что эта карьера хоть чего-то стоит.

Эрик посмотрел на него непонимающим взглядом. Он был уверен, что что-то неправильно расслышал.

— Я не знаю, — произнес он искренне. — Я никогда и не задумывался ни о чем другом. Да и что еще есть в мире?

Фокс пожал плечами. «Какая жалость, — подумал он, — но с этим уже ничего не поделать».

— Забудьте. Только убедитесь, что оставили мисс Прескотт свой адрес. Я бы посоветовал вам поселиться неподалеку, может, даже в Джон-Джей, квартале выпускников. Аванс будет отправлен вам по почте.

— О, не переживайте об этом, профессор Фокс, я подожду.

— Нет, это обязательно. — Он встал и снова пожал Горину руку. — Я очень рад, что вы заглянули.

— Я наговорил слишком много, — извинился Эрик. — Я не хотел, сэр, просто так вышло само собой.